

Вдвоем братья Антоновы остались только к ночи, когда отшумела, то радуясь, то плача, эта столь желанная встреча. Младший, Михаил, демобилизовался по ранению и прибыл домой месяца через три после взятия Берлина. Старший, Николай, в офицерском кителе без погон, жил тут уже с полгода. Лейтенантом в 1941-м он попал в плен, бежал, партизанил под Белградом. Когда наши войска освободили Сербию, его поначалу даже поставили на довольствие в действующую армию. Потом особист в чем-то засомневался. Правда, до трибунала дело не дошло, но что будет дальше — тоже не ясно. Николай вернулся в родное село, привел в порядок могилы умерших в войну родителей, работал в колхозе.

Мишка, хмельной и шальной от пережитого дня, сидел за столом, позвякивая медалями, и едва не плакал:

— Коль, давай Петьку помянем... Ну, как же так! Девятого мая похоронка!

Петька — их сосед-дружок, роднее родного, погиб, как написали его однополчане матери, от бестолковой очереди бойца-мальчишки из гитлерюгенда.

— Как же так! — тоскливо качал головой Мишка и вдруг сказал: — А я такого прыща пожалел... Отпустил... врага. На Кенигплац заскочил в траншею, а он сидит, трясется. Дал сапогом под зад — ума тывайся!..

Брат молчал.

— Может, это он Петьку и срезал... — прошептал Мишка.

— Ладно, Миш, хватит, — твердо сказал Николай. — Всякое в жизни бывает. И не все можно судить даже законами военного времени. Расскажу тебе свою историю. Роман прямо... Это было в Германии, в концлагере, куда я, в конце концов, попал...

Заклученных в рваной военной форме выводили из барака на апельплац, подталкивая прикладами винтовок. Они уже привыкли к такому скотскому обращению, брели обреченно и молча, так же вяло выстраивались в шеренгу. Их чувства были притуплены, кроме одного — постоянного голода.

Молодой немецкий офицер в черной форме СС смотрел на стоявших перед ним доходяг презрительно, то и дело повторяя «руссиш швайн». Я ведь хорошо знал немецкий, и не первый раз слышал это выражение, означавшее «русские свиньи». Пусть называет, как хочет, лишь бы побыстрей все кончилось... А это еще кто такой?

Пожилой немец в гражданском костюме неспешно шел вдоль строя, пристально разглядывая пленных. Офицер козырнул ему и заговорил, показывая на строй:

— Да кого вы тут найдете, герр Химмель? Это же сброд, большевики!..

— Меня не волнуют их политические убеждения, шарфюрер! — резко и громко ответил старик. Видно было, что он и сам когда-то умел командовать. — Мне нужен просто работник, и лишь бы он сносно говорил по-немецки! И все. Уход за свиньями не требует большого ума — но я должен знать, что он понимает мои слова! Спроси их, шарфюрер, и посмотрим, поймет ли кто-нибудь тебя!

«Да это же бауэр, немецкий фермер! Он хочет выбрать себе батрака», — пронеслось у меня в голове.

— Эй, вы, русские свиньи! — весело заговорил офицер — рыжий и худой, словно Ганс из красноармейских агиток. — Господин Химмель, — тут он показал в сторону бауэра, — хочет взять себе... ну, скажем, работница, будет его кормить и так далее. Кто-нибудь из вас, свиней, понял, что я сказал?

Я подумал: умереть успеется, а вот шанс выжить нужно использовать, и выкрикнул насколько мог бодро:

— Я могу поработать на благо господина и Германии!

Офицер удивился:

— Надо же — свинья, а разговаривает! Вы возьмете его, герр Химмель?

— А других у вас все равно нет, шарфюрер! — спокойно ответил бауэр. — Ты прикажи довести нас ко мне на машине — не ехать же мне с ним в автобусе! Начальнику лагеря доложишь.

— Яволь, герр Химмель! — вытянулся перед ним рыжий «Ганс»...

В хлеву за загородкой на цементном полу с настеленной соломой возлежала на боку огромная свинья, выставив розовое брюхо и лениво похрюкивая.

— Вот тебе работа на сегодня! — показал на нее хозяин. — Уберешь в загоне, постелешь новую подстилку. Что дальше, скажу потом... Вот инструмент, — кивнул он на стену, где аккуратно были развешены грабли, вилы, лопаты. — Солома вон там, за загородкой. Старую подстилку — во двор, на кучу. Давай!

Свинья еще раз хрюкнула и развернулась поудобнее на соломе. Я нерешительно сделал несколько шагов к ней, и тут взгляд мой упал на кормушку. Там возвышалась горка вареной картошки, от которой подымался ароматный пар. Голова у меня закружилась, ноги подкосились, и я рухнул на колени у кормушки, хватал полные горсти теплого варева и запихивал их в рот... Поесть, скорее поесть, а там пусть убивают!

Хлесткий удар обрушился на затылок, потом на шею, руки, спину.

— Свинья! Русская свинья! — зло выкрикивал бауэр. — Как ты смеешь воровать еду у моей скотины? Это же матка, ей особая еда нужна! Встать! Убирайся обратно в лагерь! — Во взгляде хозяина сквозило омерзение к оборванному русскому, измазанному свиным варевом и навозом. — Вас что, в лагере сегодня утром не кормили?!

Я уже примирился со своей участью — в лагерь, так в лагерь! Но последний вопрос вызвал у меня приступ истерического смеха. Сказать этому холоному фрицу, что уже неделю, кроме кружки тухлой похлебки, ничего во рту не было? Небось не поверит, обвинит в клевете на германскую власть...

— Что я смешного сказал? — гневно крикнул хозяин... и вдруг осекся, глядя мне в глаза. — Ты голоден? Почему сразу не сказал? А ну, пошли! — кивнул он на дверь. Потом повел меня от сараев к небольшому аккуратному домику, во дворе которого стоял стол и скамейки.

— Садись! Или нет, иди сначала вымойся! — указал бауэр на умывальник под деревом.

Все еще недоумевая, я подставил руки под струю воды, намылил, смыл многодневную лагерную грязь и с наслаждением вытерся грубым, но чистым полотенцем.

— Садись! — вновь указал хозяин на стол. — Магда! — чуть громче произнес он. — Принеси, что осталось от завтрака! Сюда, во двор, на стол!

Из дома выбежала молодая женщина. Красивой ее нельзя было назвать, но это было следствием беременности. Светлые прямые волосы были слегка взлохмачены — видимо, она спала или еще не успела причесться. С недоумением она уставилась на меня:

— Ему?

— Да, ему! — резко ответил хозяин и зачем-то стал многословно объяснять. — Работника следует накормить. Эти умники из лагеря, видимо, воруют все довольствие пленных — если только это не сознательная политика Адольфа! Подумать только, русская кампания уже принесла нам три миллиона пленных. Это же великолепная возможность для нашей промышленности и сельского хозяйства, пока наши мужчины воюют. А эти глупцы готовы переморить голодом столь необходимый нам резерв рабочей силы!.. Да, Магда, носи все, что осталось — и быстро! Нашему работнику очень много предстоит сделать сегодня — а для этого нужны силы. Голодный конь не повезет телегу — чем же отличается от него человек?

Магда молча вернулась в дом. Вскоре вышла с большим подносом, уставленным тарелками, которые тут же принялась выставлять на стол. Я посмотрел на это изобилие, и у меня снова закружилась голова. На большой тарелке возвышалась горка картофельного пюре, от которого подымался аппетитный пар... но, в отличие от корма в свином корыте, эта картошка была полита маслом и посыпана луком. Рядом в мисочке была кислая капуста, а возле нее на маленькой тарелке — две сосиски! На большом блюде высились ломти ржаного хлеба, рядом — соль, горчица и пе-

рец, и в большой кружке — какое-то питье. Я едва сдерживал себя от желания наброситься на это великолепие и немедленно поглотить все это, а там будь что будет...

Взгляд хозяина стал еще более насмешливым. Он, не отрываясь, смотрел прямо мне в глаза. «Он думает, что я утратил человеческое достоинство, — мелькнула неожиданная мысль. Нет, уж, дудки! Я не свинья!.. Я знаю, как вести себя за столом. Эту еду у меня никто не отнимет. Так не давай повода называть тебя русской свиньей!» Я медленно протянул руку, взял нож, а в другую — вилку, не спеша отрезал кусочек сосиски и положил в рот, спокойно прожевал, подцепил вилкой немного капусты, после этого взял ложкой умеренную порцию картофельного пюре. В глазах хозяина отразилось удивление, смешанное с уважением.

— Ты офицер? — отрывисто спросил он.

— Лейтенант, герр Химмель! — я отложил ложку и приготовился встать.

— Сиди! — сдержал меня хозяин. — За столом без чинов, как и в сортире! Ешь, и — за работу!

Не особо спеша, но и не слишком медля, я доел все, что было на столе, кроме, разумеется, соли, горчицы и перца. В кружке было что-то черное и горькое — скорее всего, эрзац-кофе из цикория — но и это теплое питье проглотил все до капли.

— Данке шен, герр Химмель! — поблагодарил я, вставая и кланяясь.

— Битте шен! — кивнул хозяин. — Теперь пошли работать!

Работы было много, в хлеву все только началось. При доме были сад, огород, забор требовал ремонта, и много чего еще ждало рабочих рук. Видимо, хозяин долго ждал момента, когда ему дадут нужную рабочую силу.

Вечером Магда накрыла ужин там же, во дворе. Сосиски теперь были горячими, а вместо эрзац-кофе подавала зеленый кисло-сладкий напиток — компот из ревеня. Затем хозяин отвел меня в летний душ, жестом показал на мыло, полотенце и стопку чистой одежды:

— Мойся и переодевайся! Это вещи моего сына, который сейчас на Восточном фронте! Свои тряпки брось здесь: Магда их заберет, постирает и сдаст на ветошь для заводов Великой Германии! — голос хозяина был по-прежнему резким и отрывистым, но металла в нем стало меньше. — Спать будешь вон в том сарае — сейчас лето, не замерзнешь! Там есть постель, вода... Уборная вон там! — указал он в угол двора. — Вымоешься — и можешь спать! Подниму рано, работы будет много. Сбежать не пытайся — тебя убьют на месте! Я сам спущу собак по твоему следу! Запирать тебя я не буду — надо же тебе ходить в сортир! Спокойной ночи!

— Гутен нахт, герр Химмель! — сдержанно ответил я.

— Ауфвидерзейн! — и хозяин не спеша пошел в сторону дома.

На следующее утро был новый рабочий день. Работа почти без передышки — но и хорошее питание. «Еда, одежда и крыша над головой — вот 90 процентов нормальной жизни человека, — думал я, укладываясь спать после очередного трудового дня. — Если я не умер в лагере, значит, мне дан шанс на будущее. И дал мне его не кто иной, как этот старый немецкий солдафон, который эксплуатирует меня в хвост и в гриву, но при этом спасает меня от верной лагерной смерти...»

Так минули два месяца. Работы действительно было много, каждый день своя. Приходилось то чистить сортир, разливая дерьмо на выкопан-

ные в огороде борозды, то надо было брать корзину и идти с Магдой, снохой хозяина, на рынок за продуктами... Мелькали дни, и мне стало казаться, что это и есть жизнь, что таков порядок вещей, который был, есть и будет теперь всегда...

Но однажды вечером хозяин пришел в сарайчик, когда я уже улегся спать. Чиркнув спичкой, герр Химмель зажег фитиль керосиновой лампы.

— Лежи! — по обыкновению резко сказал он. — Здесь тоже без чинов, как за столом или в сортире! Я тебе тут кое-что принес, — тут голос его слегка смягчился. — Тут кое-что поесть. Здесь хлеб, сало, колбаса, яйца, молоко в бутылке... Видишь ли, завтра тебе надо будет явиться обратно в лагерь, в свой барак. Вас повезут в горы, работать в шахте. Я не знаю, накормят ли тебя там утром или днем, или забудут... В общем, я приготовил тебе с собой еду. Кроме того, ты можешь не ждать лагерной машины, а доехать на автобусе — вот тебе немного денег на дорогу... Ты был хорошим работником, и мне жаль с тобой расставаться... Буду рад, если ты выживешь. После войны обязательно найди меня, и я постараюсь сделать тебе права фольксдойче. Ты и так говоришь по-немецки лучше многих немцев, и любая проверка обнаружит, скорее всего, твои истинно немецкие корни... А теперь я пойду!.. — герр Химмель медлил, словно дожидаясь чего-то. Недалеко на железной дороге свистнул паровоз, и хозяин кивнул в ту сторону. — Это австрийский поезд. Обратно он поедет здесь же, в три часа ночи. Утром он будет в Зальцбурге, а у нас притормаживает у семафора... Так что до свидания, русский лейтенант, и не держи на меня зла за то, что я назвал тебя тогда русской свиньей — ты не свинья. Приятно было с тобой работать! — и после паузы: — А сын мой сейчас в госпитале, тяжело ранен в России. Что-то там у фюрера не так идет... Ауфвидерзейн!..

— Вот так, Миша! — закончил рассказ Николай. — Видишь, как поступил тот немец? Вряд ли он желал нашей победы — более того, он был уверен в победе Германии. Но он просто по-человечески хотел, чтобы я выжил... А тогда я сделал так, как он мне советовал. Сел на товарняк, добрался до Австрии, оттуда — до Сербии; там удалось найти партизан — с ними и провоевал до сорок четвертого, пока наши не заняли Белград. Потом... был Владимирский централ, где пришлось посидеть. Правда, выпустили под подписку о невыезде... — Он помолчал немного и глухо добавил: — Ты, кстати, про того пацана помалкивай. Запросто загремишь в лагерь. Уж я там, на нарах, каких только историй не слышал...